

Р2
и37

Владимир Измайлов

Родней
родного

КЕМЕРОВО - 1959

Владимир Измайлов

Р2
и 37

Родней
родного

158683
127196

Осказовой фонд
г. Новокузнецк
М. И. В. Гоголя
Городская библиотека
Центральная

Стили

АБОН-МЕНТ
центральной городской
библиотеки им. И.В. Гоголя
г. Новокузнецк

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

РОДНЕЙ РОДНОГО

...Бывают в жизни памятные даты,
Что заслоняют многое собой.
Я помню день, когда я стал солдатом,
И навсегда запомнил первый бой.
Ранений боль, печаль утрат изведав,
Трудом солдатским доконав войну,
До старости запомню День Победы,
Но не салюта грохот — тишину!..
Не памятью ума — душой хранимы,
Не увядая, на всю жизнь со мной
И день, когда назвал ее любимой,
И день, когда назвал ее женой.
И помню — без конца и без начала —
Тревожно-лихорадочную ночь.

Каким чудесным смыслом зазвучало
Короткое, простое слово «дочь»!
...Таких событий у людей немало,
И в них, пожалуй, жизни красота:
Без них она б все краски растеряла,
Как степь зимой — равна, бела, пуста.
Но из событий, каждому знакомых,
Неповторимей и дороже нет,
Чем день, когда мне секретарь райкома
Вручил, как коммунисту, партбилет.
Таких минут не объясняет разум:
Ведь в этот миг в моей груди стучат
Сердца всей Партии — шесть миллионов
разом! —

И с ними бьется сердце Ильича!
Мой партбилет!
В нем ленинское пламя —
Чудесней Прометеева огня.
И это значит — ленинское знамя
Теперь горит в руках и у меня.
Мой партбилет!

Великая награда,
Которую всю жизнь не оправдать.
Какой же силой обладать мне надо,
Чтоб стих достойный о тебе создать!

...Быть коммунистом — что почетней
званья?

Ведь мир мечты им первым создавать
И в этом видеть высшее призванье —
Всю жизнь, всю душу людям отдавать.
А жизнь трудна...

И Партия в ответе
За этот путь, за счастье впереди,
Она народу, точно солнце, светит,
Как Данко, сердце вырвав из груди!..
..Свой партбилет — великую святыню,
Что возле сердца жаркого ношу,
Я, может быть, не оправдал доньше,
Но только им живу я и дышу.
Я, может, больше, чем другие, ошибался,
Но не было минуты ни одной,
Чтоб был забыт, чтобы один остался —
Все время Партия была со мной.
У ней, великой, времени хватало
Среди гигантских, необ'ятных дел
Заботиться, чтоб я, лишь винтик малый,
Не ослабел на миг, не заржавел.
Она, как мать, то нежно, то сурово
Меня на верный выводила путь;
И я шагал с передовыми снова,

Не мог отстать, не мог с пути свернуть.
Пусть иногда не богатырски стоек,
Я все же твердо знаю о себе,
Что если я чего-нибудь да стою —
Обязан этим, Партия, тебе.
Ты — светоч жизни и ее основа;
И в трудностях, и в счастье бытия
Ты для меня всегда родней родного,
Дороже жизни, Партия моя!

СМЕРТЬ КОМИССАРА

За селом, у крутояра
Горько никнут тальники —
Молодого комиссара
Расстреляли «колчаки».
Долго мучили-пытали
Контрразведчики его,
Даже сами измотались,
Не добившись ничего.
— Комиссар?
— Так вам известно...
— Большевик?
— Само собой!
— Где отряд ваш?
— Повсеместно!

— Сколько вас?

— Покажет бой!..

Видно, был он впрямь железным,
Коли весь кровавый сброд
Изощрялся бесполезно.

Решено — пустить в расход.

Вот и кончились допросы,

Вот и жизнь уже прожил...

Сам поручик папиросу

Перед смертью предложил.

Вскинув голову победно,

Бросил он в лицо врагу:

— Не курю, поручик, — вредно,
Легкие поберегу!

...У плотины в крутояре

Жизнь принес Сибири в дар

Петроградский пролетарий,

Партизанский комиссар.

По годам еще мальчишка,

Он пришел сюда, непрост,

За четыре тыщи с лишком

Огневых военных верст.

Нет, не в ссылку в наказание

Сослан волею царя —

Нес он в души партизаньи

Свет и правду Октября,
Словом пламенным владея,
Он сумел вложить бойцам
Большевицские идеи
В партизанские сердца.
Кроме дерзостной отваги,
В парне был партийный толк —
Из разболтанной ватаги
Он железный создал полк.
Крут был путь, зато не длинен
(Что ж тут ждать да рассуждать?)
К настоящей дисциплине
И к науке побеждать.
И уже глазами штаба
Видел полк и вдаль и вширь
Всероссийские масштабы
Грозной битвы за Сибирь.
До чего же полюбили
Партизаны паренька,
До чего ж умело били
С комиссаром Колчака!
Полк окреп.

И вот тогда-то
К белым в часть, как к волку в пасть,
Чтоб открыть глаза солдатам

На Октябрь, на нашу власть,
Комиссар проник, бесстрашный:
Ведь неправде злой служил
Не солдат — мужик вчерашний,
Одураченный мужик.
Смелой правдой, жгучей страстью
Убеждал он тех солдат,
Что не с той дерутся властью,
Не туда штыки глядят...
О себе ль подумал поздно,
Осторожность ли забыл,
Но предателем опознан,
Контрразведкой схвачен был...
...Вот они, вплотную, рядом,
Смотрят в сердце шесть стволов;
Чуть склоненные к прикладам
В бескозырках шесть голов.
Шесть впились сквозь мушки зорко
Напряженно-жестких глаз.
И стучат под гимнастеркой
Шесть сердец солдатских враз.
По призывью палачи ли,
Каждый злобен и кровав?
Иль винтовки получили,
Ничего не разобрав?

Околпачен — одурачен,
Злою волей скручен враз,
По тропе пошел колчачьей
Поневоле всяк из вас.
Будто каменные лица,
Вплоть к щеке прижат приклад...
— Эх, прости-прощай, столица,
Славный красный Петроград!..
...Поднимал поручик руку,
Черный выхватив наган.
Подступила к сердцу мука,
Дрожь метнулась по ногам,
Только, сжав пружиной волю,
Чтоб смелей принять удар,
Будто искренне доволен,
Улыбнулся комиссар!
Будто с жизнью он играет,
Будто к смерти он привык,
Пусть глядят, как умирает
Настоящий большевик.
Звонко он сказал солдатам,
Тем, что целятся — молчат:
— Эх, и жалко вас, ребята,
Обманул вас гад Колчак...
И вразброд поплыли мушки,

Вразнобой ударил залп,
Потому что, потому что...
— Эх, зачем он так сказал?
Шесть стволов не вдруг, не разом...
Шесть... А сердце не прожгли,
Лишь поручик не промазал,
Запоздало крикнув: — Пли!
Стекленел предсмертным взглядом,
Гас в глазах веселый жар,
Долго падал и не падал
Несраженный комиссар..
...Возле каменной плотины
Бьется, плачется вода,
Будто кровь с прибрежной тины
Смыть не сможет никогда.
Был обычного багровей
Окровавленный закат,
И плыла потоком крови
Та сибирская река.
Он лежит в кустах прибрежных —
Не сотрешь улыбку с губ...
Волны бережно и нежно
Обмывают светлый чуб.
Под плотиной, в крутояре
Пал, в лицо приняв удар,

Петроградский пролетарий,
Партизанский комиссар.

* * *

...Шесть солдат ведет поручик,
След печатая в пыли.
Только в рубчатую ручку
Пальцы накрепко впились.
Что ж не выпустишь нагана?
Рядом, будто на парад,
Четко рубят шаг ногами
Шесть муштрованных солдат.
И никто из всей шестерки
Не меняется с лица...
Только что-то гимнастерки
Больно давят на сердца,
И приклад держать неловко.
Начинают пальцы млеть,
И когда ж это винтовка
Перестанет тяжелеть?
...Из закатной дымки зыбкой,
Шестерых бросая в жар,
Ясной светится улыбкой.
Неубитый комиссар.

Он глядит в лицо солдатам,
А в ушах слова звучат:
— Эх, и жалко вас, ребята, —
«Обманул вас гад Колчак!..
...Хоть бы проклял, как обычно,
Их, убийц, пока живой,
Хоть бы выкрикнул привычно
Большевицкий лозунг свой.
Хоть скривился бы от злобы,
Хоть бы страх мелькнул в глазах,
Хоть бы плюнул в лица, чтобы
Гордость, твердость показать.
Нет!
Улыбкою светлея,
Неизвестно, кто и чей,
Он, действительно жалея
Их, невольных палачей,
Те слова сказал солдатам,
Что сейчас в ушах звучат:
— Эх, и жалко вас, ребята, —
«Обманул вас гад Колчак!..
...Черной тьмою кроет вечер
Путь, где шестеро прошли.
Страшной тяжестью на плечи
Их винтовки налегли.

Темен путь невыносимо...
Лишь вдали огонь зари
Все горит неугасимо,
Красным знаменем горит!..

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

Труден поиск был упорный,
Третий день разведка шла —
Вел Алеша Заозерный
Взвод по вражеским тылам.
Выходить к своим бы надо —
Встало на пути шоссе.
Положил свой взвод в засаду
У дороги Алексей...
...Весь в защитном камуфляже
Длинный «оппель-адмирал»
Залетел в кювет и даже
На попа едва не встал.
До чего же был богатым
Неожиданный улов!..

И уже вели ребята
«Языка» без лишних слов.
Радость в сердце заиграла:
— Ну, разведчики, живем!
Ведь не часто генералы
Попадаютя живьем!
И, как кур, во щи попавший,
Топал пленный налегке.
На беду эскорт отставший
Налетел в грузовике.
Не сумели оторваться —
Не дает уйти конвой.
И пришлось ребятам драться,
Да ведь драка не впервой!
Сами немцы виноваты —
Проезжай и не вяжись!..
Взяли хлопцы их в гранаты,
В два десятка автоматов
И — молчком пошли в ножи.
А разведчик в рукопашной
Натиск выдержит любой...
Кратким, яростным и страшным:
Получился этот бой.
Беспощаден выбор строгий:

127196
12883

Центральная
городская библиотека
им. Н. В. Гоголя

Основной фонд

г. Новокузнецк

АБОН-МЕНТ

Центральной городской
библиотеки им. Н.В. Гоголя
Новокузнецк

Чтоб в живых — ни одного!
Пламя, трупы на дороге,
У дороги — никого.
...День свернулся по-солдатски,
В пять минут — и на покой.
Развернула ночь по-братски
Темно-синий полог свой.
И, нырнув во тьму, как в воду,
— Были, били, вдруг и нет! —
Шла разведка легким ходом,
Заметая в травах след.
Даже кустик не шелохнет,
Травка не зашелестит,
Даже раненый не охнет,
Лишь зубами заскрипит...
...Где-то стелется погоня
Сворой бешеных собак.
Хорошо, как не догонят,
А не то — дела-табак...
...Час, другой и третий минул,
Край передний все слышней.
Вдруг раздался шепот:
— Мины! —
Крика громкого страшней.

Каждый встал, шагнуть боятся,
Помяная всех чертей —
В темноте в траве таится,
Может, тысяча смертей.
Леденеет пот на теле,
Сердце чувствует беду:
Неужели в самом деле
Запоролись на ходу?..

* *
* *

Андрей на краткой передышке
Сказал Алеше: «Слышь, комвзвод,
Мы влево уклонились слишком,
Послушай-ка, где пушка бьет.»
И верно: слышались разрывы
Не впереди, а чуть правей.
— Эх, прямо вел, а вышли криво!.. —
Зубами скрипнул Алексей, —
Ведь оторваться торопился
И где-то, видно, впопыхах,
Раззява с азимута сбился!..
— Ну, что ж мудреного — впотьмах.
Накрылись оба плащ-палаткой,

Присели, развернув планшет.
По карте заскользил украдкой
Фонарика неяркий свет
И, оторвавшись от квадрата,
Упал к подножию куста,
И возле ног в траве примятой
Блеснула проволочки сталь.
...Нет, ни один ногой не двинул,
На нить блестящую глядят..
И вот тогда-то шепот:

— Мины!

Подрал морозом всех подряд.
Друзья сидели, цепенея..
Бывало всякое в боях,
Но в жизни не было страшнее
Вот этой ниточки в кустах,
Протянутой к коварной «эске»,
Стаканчику, что только ждет,
Чтоб нить задела — сразу с треском
Взлетит, шрапнелью сыпанет.
До боли натянулись нервы,
От напряженья звон в ушах..
Пришел в себя Алеша первым:
— Д-да, брат, еще бы только шаг!..
— Ну, сидя, толку не добиться.

Назад — нельзя.

А вот вперед...

— Черт с ним, пошлем на мины «фрица»,
Пройдет — пройдем...

— А не пройдет?

Потом красней перед штабами,
Мол, вот геройский взвод каков,
Что кроме тех, что за зубами,
Иных и нету языков!

— Тогда я сам!

— Немного славы

Нам взводного терять в пути!

И встал парторг. Ему по праву

На мины первому идти.

— Ты брось! — Алеша вспыхнул сразу,—

Ты, старшина, не лезь вперед.

Раз я завел, так я обязан

И вывести отсюда взвод...

— И выведешь! И для того-то

Не ты, а я вперед пойду.

Мне тоже не до слез охота,

Да ведь стоят ребята, ждут...

Без пленных черта ль даст разведка!

Умолк угрюмо Алексей.

— А ну, возьми свою планшетку! —

И по цепочке:

— Слушай все!

— Нас здесь вот-вот прижмет погоня,
Мы, как на блюде, на виду,
На мины все равно загонят.
Пройти их надо.

Я иду.

Пойдут за мною следом коммунисты,
Коль не пройдет один — другой...

И в заросли травы росистой
Шагнул уверенной ногой.

Алешу лихорадка била —
Ему б идти!

Но тут вперед,

Комвзвода отодвинув силой,

Шагнул Косых:

— Не твой черед!..

За ним Уланов, Венин, Першин

И Гончаренко.

Тот гудит:

— Погодь, комвзвод, партийцы перше,

А ты за нами вже тоди...

Разрывов гул доносит ветром.

Передний край, как он далек!

Такого поля сотня метров

Длинней, чем тыщи километров
Любых тропинок и дорог!..

* * *

И парторг шагал размеренно,
Как нелегкий долг велит,
Чтоб тропинкою проверенной
Все товарищи прошли.
Сердце бьется тяжким молотом,
Отдается стук в висках,
И скрипит в песок размолотый
На зубах недавний страх.
Жжет земля подошвы тонкие,
Спину холод леденит.
— Если б обойти сторонкою...
Эх, саперы, где они?
Мы смеялись над саперами
По-обидному порой...
Где ж ребята, за которыми
Как за каменной горой?..
Ноги судорогой связаны,
Льет ручьем холодный пот,
Да назад пути заказаны,
И парторг идет вперед...

* * *

Струной натягивались нервы
Все туже, туже, все сильней,
Тот, кто шагал по минам первый,
Катушкой был на той струне.
Уже невоготу казалась,
Когда тугая тишина
Вдруг резким взрывом разорвалась
И сразу лопнула струна!
Упал парторг!
И вслед за взрывом,
Минут не тратя дорогих,
Как бы подхваченный порывом
Пошел вперед Иван Косых.
Был сибиряк мужик неробкий,
И, лютым горем распален,
Навстречу лютой смерти тропку
Распахивал ногами он!
Чтоб ничего уж не осталось
Опасного ребятам тем,
Чтоб если смерть — ему досталась,
Не поделенная ни с кем!
...Парторг в траве, как камень черный
Дымок и тола злой душок.

Да крови запах тошнотворный,
Аж на душе нехорошо.
Косых нагнулся над Андреем,
А тот сквозь крови пузырьки
Хрипел:
— Давай, Иван, быстрее,
Теперь осталось пустяки!
Да слушай: дряни той шрапнельной
Не бойся. Понял я впервой,
Что глупо гибнуть и бесцельно.
Ты к мине падай головой...
И верно: мина та взлетает
Повыше метра над землей
И уж оттуда рассыпает
Стальной шрапнельный дождик свой.
И коль по направлению треска,
Когда стаканчик кверху взмыл,
Ты ринешься на землю резко —
Глядишь, и смерть перехитрил.
...Два раза он со смертью в прыжки
Сыграл, разведчик боевой,
Крича своим: «Стой! Все в порядке,
Спешить не надо, я — живой...»
Потом сержант Уланов,
Как будто с трудного поста,

Сменил на полпути Ивана.
— Не все тебе, другим оставь!..
И для него был путь тот длинен..
Но радость вспыхнула в груди:
Он сбил ногой табличку «Міпен» —
И смерть оставил позади.
И, подобрав в пути Андрея,
Прошел тропой героя взвод.
Парторг в бреду шептал:
— Скорее,

Скорей, товарищи, восход...
И ночь была уже не черной,
По-предраассветному сера,
Когда провел взвод Заозерный
К своим через передний край.

* * *

...Несли разведчики устало
Груз автоматов на груди,
Вели фашиста генерала,
Несли парторга впереди,
Вставало солнышко, играя
Мильоном отблесков в росе...
И тут вдруг увидали все,

Как молча, слез не вытирая,
Впервые плакал Алексей...
И по земле родной Отчизны;
Где бой гремел четвертый год,
В последний боевой поход
Он шел, парторг, навстречу жизни,
Навстречу солнцу, на восход.
На плащ-палатке той пятнистой,
От крови темной и сырой
Шел...

на руках у коммунистов.

Их секретарь,
Солдат,
Герой.

* * *

...Давно минула ночь глухая;
Давно закончена война,
А в памяти, не затухая,
Горят героев имена.
И слезы гордого восторга
Мне щиплют горло, жгут в груди.
Когда припомню я парторга,
Шагающего впереди...

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИМ

Из школ, из-под родного крова
Влечет романтиков-юнцов
Свет нашей юности суровой,
Блеск грозной юности отцов.
Отцы... Они царя свергали,
Советы строили в боях.
Мы — до Берлина дошагали,
Отцов наследье отстояв.
...Ты смотришь с завистью горячей
На ветеранов прошлых дней,
Твердя, что нынче все иначе,
Все приземленней и бледней.
Бои, походы, смерти, раны
Уже не могут быть сейчас...

Мне, инвалиду-ветерану,
Готов завидовать подчас!
Мол, с мирной жизни мало спроса —
Размах для подвигов не тот,
И ни Корчагин, ни Матросов
К станкам и в поле не придет...
Ну, что же, мысль я понял эту,
И невозможно промолчать —
Мне, как солдату и поэту,
Как коммунисту, отвечать.
...Без всяких к славе притязаний
Отец юнцом бил Колчака,
Потом с дороги партизаньей
Попал на трудный путь ЧК,
Прошел солдатскою походкой,
Оставив в жизни яркий след.
Сожжен работой и чахоткой,
Едва шагнув за тридцать лет...
Я был юнцом таким же, право,
Как ты, и думал, горячась,
Что, мол, пиджак отцовской славы,
Широк для моего плеча.
Я рыл на прииске породу,
Был невезуч и неудал:
Найти б народу самородок —

Так ведь и тот не попадал!
Простое счастье мирной жизни
Казалось пресным для глупца.
И я мечтал в родной Отчизне
Вновь повторить весь путь отца...
Братишка! Видишь, мы похожи —
И я, как ты, был близорук,
Не знал, что счастье молодежи
В труде ее горячих рук...
...И грянула проверкой грозной
Война на рубежи страны!..
Ты прав — родился я не поздно,
Хватило на меня войны..
И я мальчишкой-комсомольцем
Прошел в твои семнадцать лет
В строю сибирских добровольцев
«Сквозь смерть и кровь путем побед.
Да, закалялись и мужали
Мы в той невиданной войне.
И до сих пор мне очень жаль их,
В войне сожженных юных дней.
Но я на фронте понял ясно,
В руинах видя города,
«Что нет романтики прекрасней
+Простой героики труда.

Ад смертоносного металла...
Солдатский путь кровав и крут
Все для того, чтоб расцветал он, —
Под мирным небом мирный труд.
И он тебе на долю выпал.
Мой младший брат, мой славный брат!—
Коль я войны всю горечь выпил —
Я за тебя всем сердцем рад!
Открой, братишка, очи шире —
Вокруг творятся чудеса:
Нет романтичнее Сибири
В ее строительных лесах!
Пусть не придет к тебе усталость
Разочарованной души —
Тебе, счастливому, досталось
Отцов творенье завершить.
На стройку не придет Матросов.
Ну, что ж, ты прав...

Но оттого

С тебя сегодня больше спроса —
Ты должен сделать за него.
Ты должен сделать вдвое, втрое,
Мой младший брат, мой юный друг,
За тех, кто выведен из строя,
За тех, кого сковал недуг.

Иди, иди в кипенье стройки,
Куда нас Партия зовет —
И ждет тебя удел геройский,
И трудовая слава ждет,
И то, что всех награда дороже,
Что счастьем озарит всю жизнь —
Знать, что и твой кирпич положен
Собственноручно в коммунизм!
...А мы, вчерашние солдаты,
И те, кто нынче стар и сед,
Мы вам завидуем, ребята,
Кому сейчас семнадцать лет.
Да, счастье старших поколений
В том, что не в лозунгах — живой.
Их выучил и вывел Ленин
На свет из ночи вековой.
А вам, наследники родные
Мечтаний наших и побед,
А вам нести в миры иные
По всей вселенной этот свет.
Конечно, вам — и жить иначе,
Иной романтикой гореть,
Вам завершить тот труд, что начат
Отцами в славном Октябре.

И нет достойнее удела
Таким наследовать отцам,
И нет дерзаниям предела,
И нет героике конца...

ДЕВОЧКА В САДУ

Загляделась девочка
В зелень сада
Долгим и задумчивым
Ясным взглядом.
На лице счастливое
Выраженье,
А в глазах — той зелени
Отраженье.
В детстве — знаю точно —
Так случается:
Мир красой цветочною
Открывается.
Зеленые чашечки,
Алость лепестковая.

Как идет Наташеньке
Россыпь та цветковая!
Убеждать готов я всех
Без иронии:
Без детей в земной красе
Нет гармонии...
И цветснья летнего
Ярче, краше
Счастье восьмилетнее —
Дочь Наташа.
Небосвод лазоревый,
Море света...
Счастье или горе ей
В мире этом?
Ковром развернется ли
Ей природа,
Атомом взорвется ли
Водорода?
Пусть же слово скажется:
— Люди, верьте —
Грозным только кажется
Призрак смерти.
Если ж люди дружные
Не уступят —
Будет все, как нужно им:

Смерть отступит!
Пусть бескровный ширится
Бой за счастье,
Пусть никто не мирится
С злой напастью.
Мирным раем сделать нам
Землю надо!
...Загляделась девочка
В зелень сада...

ДОЖДЬ

Дождь...

Слепой природы создание,
Льет на улицы и на строения,
На леса, на поля, на здания,
Даже людям на настроение.
То с людскими желаньями споря,
Для чего, почему — неизвестно,
Поливает соленое море
Бесполезной водою пресной,
То, как нынче, всерьез угрожает
Утопить — погубить урожай...
Вот он хлещет резко и резко,
Целый месяц погода противная.
Скверно!..

Но, рассуждая трезво,
Дождь — явление об'ективное,
И прощаю ему грехи я,
Потому что ведь — дело ясное —
Он покуда еще — стихия
Необузданная и прекрасная,
И пути ему — не закажешь,
Не итти ему — не прикажешь.
И, по-моему, в общей сложности,
(О деталях спорить не будем!)
Дождь в пределах своих возможностей
Служит все же на пользу людям.
И не раз мы под дождик грезили
О покое, любви и нежности —
Столько в нем неиспетой поэзии,
Столько в нем неиспитой нежности!
Светлой лирике дань отдавая,
Я сегодня дождь воспеваю
Грозовой, сотрясающий горы,
И грибной — тихий, теплый, сонный,
Обложной, слепой или спорый —
Водяной ксилофон стозвонный,
Каждый раз он хорош по-своему,
Красотой поражая дивной...
А вот нынче обеспокоен я:

Может, дождь — радиоактивный?
И тревожные эти мысли
Словно черные тучи нависли,
Что ужаснее в мире, чем это:
Порожденный ручными громами,
Дождь отравленный хлещет где-то,
Может, завтра пройдет над нами?..
В горьком гневе уста немеют —
Как у силы злой получилось,
Что, дождя вызывать не умея,
Отравлять его — научилась
И грозит погубить природу,
И грозится убить народы?!
Нет чудовищней извращения,
Дел таких не бывало жестоких,
Чем чистейших дождей превращение
В смертоносные злые потоки.
Гром протестов, гневных и жарких,
Пусть встряхнет заморских правителей!
Дождь, конечно, не схватишь за руки,
Но ведь можно схватить отравителей!
Человек!

Сложь руки, не жди —
Пусть же чистыми будут дожди!..

ГОРИТ НА НЕБЕ МАРС...

Горит на небе Марс — звезда войны —
Багровый, точно искорка заката.
Под ним — считалось раньше — рождены
Все те, кому случилось стать солдатом.
...Линяет миф о Марсе на виду —
В такой романтике основ науки нету.
Я вижу не зловещую звезду.
А просто очень близкую планету.
В порывах и свершеньях хороша,
Прекраснее античных мифологий,
Звездой рванулась русская душа.
В нетоптанные звездные дороги.
И по-инному властвует теперь
Над ними это дивное сиянье:

Нас, в Космос смело распахнувших дверь,
Теперь уж скоро встретят марсиане.
Тот славный перелет войдет в века,
И в полном соответствии с моментом
Пускай пошлют туда фронтовика
От всех земных газет корреспондентом.
Познав восторг побед и боль утрат,
Не падкий до дешевеньких сенсаций,
Он, в новый мир придя как друг и брат,
Сумеет в обстановке разобраться.
И обо всем, что он увидеть смог,
Напишет репортаж обыкновенный:
«...Конечно, Марс — он никакой не бог,
И вообще народ тут не военный.
С природой же нельзя не воевать:
Ведь так сурова Марсова природа,
Что обживать ее и согревать
И можно лишь борьбой всего народа.
И надо им, как мы могли понять,
Хотя они по-своему богаты,
Немного Прометеева огня,
Поскольку даже им холодновато...»
А что? Ведь если здраво посмотреть,
Мы, сделав Землю царством жизни мирной,

Земным теплом сумеем обогреть
Планеты всей Галактики обширной.
В наш век таким свершаться чудесам!
Опять мечты в стихах?
Ну, что ж, читатель,
Ведь ты поймешь поэта — ты же сам.
В душе поэт, романтик и мечтатель.
Ты третью в небо запустил звезду,
Рожденную твоим трудом упорным.
Она летит у мира на виду
Советской явью, чудом рукотворным.
...Горит на небе Марс — Земли сосед,
Загадочный, таинственный, багряный.
И мне он нравится.
Мы этот красный цвет
Вблизи рассмотрим поздно или рано!

НАСЧЕТ ДЫМА

Как вспомню —

сейчас становится
стыдно,

И все-таки я расскажу

об этом...

Вот так наша жизнь

(и нередко, видно!)

Жестоко учит

нных поэтов.

...Сосновой прохладой

тянуло из бора,

Зарею сгорал

день утомленный,

А за рекою —

И я,
впечатление проверяя,
Спросил,
мол, верно.
красиво очень,
Как в облаке дыма
закат сгорает?..
Помедлив,
сказал он:
— А мне самому.
Сказать по правде,
товарищ поэт...
Простите,
конечно...
Но в этом дыму
Ни красоты,
ни поэзии нет.
Мне б вот красота:
подходишь к заводу,
Внутри и снаружи —
ни дыма,
ни сажи,
Легко дышать
и работать народу
И уходить не хочется даже!

...Угас

за горами дальними

день.

Весь город в разливе электросвета...

Я вырвал

лирическую дребедень

И написал в блокнот

вот это.

ГИМН КРАСОТЕ

На ферму с аттестатом зрелости
Пришла ты, путь открыв другим.
И красоте твоей и смелости
Я посвящаю этот гимн.
Ведь ты поймешь и не обидишься —
Пусть образ выдуман не мной —
Что мне в стихах Авророй видишься
Прекрасной, юной и — земной!
Идешь ты скромною дояркою,
Себя не сознавая той
Всепокоряющей и яркою
Такою русской красотой!
Тебе луга коврами стелются,
И зреющих хлебов прибой —

Все золотой пылью-метелицей
Путь усыпает пред тобой.
Ты, как березка, станом гибкая
В халате беленьком сейчас
Цветешь счастливою улыбкою
И радостным сияньем глаз.
Вот так манит, когда в природе зной,
Ключ, освежающий цветы, —
Глаза бездонности колодезной
И родниковой чистоты...
И под ресницами стрельчатыми
Такой победно-ясный взгляд,
Что нет соперниц меж девушками,
И равнодушных средь ребят.
А то, что руки загорбелые,
Пусть тебя не огорчит —
Ведь молоко, такое белое
Лишь белоручкам их смягчит!
Ты рада, что не догадается
Тот тракторист, твой верный друг,
Что вечерами дожидается,
Поцеловать шершавость рук...
Но ты же русская красавица!
И если б руки берегла,

То и ему тогда бы нравиться
И вполовину не могла!
...Пыльцою хлебной припорошена.
Как зорька вешняя светла,
Ты долгожданной, званной, прошенной
Хозяйкой в стих ко мне вошла.
И вот — не ощущаю груза я
Банальных рифм нелегких лет.
Ты мне по праву станешь музою,
Коль я хоть чуточку поэт
Пойдешь труда дорогой твердою
И в жизни, и в стихе моем,
Своей земли хозяйка гордая
И украшение ее!

НЕ МОГУ ТЕБЕ ОТВЕТИТЬ ИНАЧЕ...

Серыми осенними туманами
По земле сырой октябрь поплыл...
Долго я таежными урманам
И глухими тропами бродил.
И, насквозь промокшая, унылая,
Без тебя тайга была пуста.
Без тебя мне неуютно, милая,
В самых поэтических местах.
По тебе я тосковал отчаянно...
Если б ты увидела сама,
Как бродил я, будто неприкаянный,
После злополучного письма!
Пишешь, что обдумывала долго,
Но тебе совсем не по душе

Романтичный, трудный путь геолога,
Рай с любимым... в мокром шалаше.
Мол, не стоит говорить банальности
Про большие, славные дела —
Просто ты ошиблась в специальности,
Ты ее случайно избрала.
Я письмо читал и перечитывал —
Ясные, холодные слова...
Понапрасну я мечтал — рассчитывал,
Столько разных планов создавал.
Знать, в любви дорожки не размечены,
Ждал я счастья — а пришла тоска.
Только мне, геологоразведчику
На проспектах нечего искать!..
Дождь идет. Опять до нитки вымочит.
До зимы надоедят дожди...
Не могу тебе ответить иначе —
Ты еще подумай, обожди...

ВЕСЕННИЙ ПУТЬ

Если май нежной зеленью брызнет
По ветвям молодых тополей —
Сразу юной радости жизни
Прибавляется на земле.
Если белая кипень черемух
Залила и сады и леса,
Так и тянет меня из дому
Невозможная эта краса.
Я люблю этот шумный город,
Может, в нем доживу свой век.
Только все же мне больше дорог
Шум стремительных шорских рек.
Снег, что вечно в белках не тает,
Эдельвейс на альпийских лугах,
Захлестнувшая горы Алтая

Глухомань — черневая тайга.
Мир весенним солнышком залит —
Хорошо в это время в лесу!
Вот бы сделать из бревен салик
Да опять проплыть по Мрас-Су...
Беспокойна, бурлива река та,
И не только горы да лес —
Тут за каждым встает перекатом
Столько самых неожиданных чудес!
...Хлещет дождь бока Каратага,
Ну, а ты на другом берегу,
От реки не сделав и шага,
Загораешь на ярком лугу.
Вьет река глухими местами,
А уже навстречу тебе
Выплывают, стуча шестами,
Пионеры на легкой кебе.
Вот готовый сюжет для романа:
Это двое бойких внучат
Захворавшего деда-шамана
Повезли показать врачам.
Путь не скучен, хотя и долог.
Где людей и не ждешь никак —
Вдруг окликнет бродяга-геолог:

Весь в скитаниях вышел табак,
И, присев покурить под кедром,
Собеседнику искренне рад,
Как волшебник добрый и щедрый,
Он раскроет земные недра
И покажет за кладом клад...
И со всеми всегда одинаков
Страж речных и лесных дорог,
Старый Павел Ананьич Топаков
Переправит через порог.
И сквозь водовороты лихие
Проскочив меж бойцов-камней,
Вновь поймешь, что любой стихии
Человек отважный сильнее.
Миновав камней мешанину.
Ты влетишь, обогнув утес,
Как из боя, в быт мещанина —
В безмятежно-уютный плес.
И вдохнет тебе силы в душу
Мимолетная ярость грозы,
Будешь долго взволнованно слушать
Рев могучего Ву — Тайгазы..
...Снова вспомнилась эта река мне,
И далекая Усть-Кобырза,

И рисунки, что выбиты в камне,
Может, тысячу лет назад.
Но в глуши зачарованной, древней
Мне дороже всего и родней
Голос радио над деревней
И сиянье электроогней.
Помню, как иной раз на привале
У костра в кондовой глуши
О поэзии затевали
Земляки разговор от души.
Щедро хвалят и дельно ругают,
Разберут, хороши иль плохи —
Никакая награда другая
Не нужна за мои стихи!

СОСНА НАД МОРЕМ

Скала дредноутом могучим
Сквозь волны гор в тайге плывет.
Над ней — сосна, над самой кручей,
Стремящаяся ввысь, вперед.
Над глухоманью и над чашей
Взметнувшись в небо на скале,
Она — матрос вперед смотрящий
На том гранитном корабле.
Какой она об'ята думой?
Быть может, думает сосна,
Что не тайга шумит угрюмо,
А океанская волна?
Но где тот океан мятежный,
Где ширь его и синева?

Вокруг — разлив тайги безбрежный
Да скал угрюмых острова...
И невдомек сосне, что вскоре
К утесу, что покоя полн,
Придет вода Ангарским морем
В могучем гуле светлых волн.
И ей, стоящей над обрывом,
Ударит в грудь звенящий бриз,
И, дрогнувшую горделиво,
Украсят бриллианты брызг,
И ей дружить отныне годы
И с ветерком, и с моряком —
Служить ангарским теплоходам
Нерукотворным маяком...

* * *

Совсем закрыли тучи солнце
И небосвода синеву,
И тополь золото червонцев
Рассыпал щедро на траву.
И чтоб сравняться с этим даром,
Побронзовела и трава.
А рядом вспыхнула пожаром
Калины пышная листва.
И у рябины лист багряный.
А гроздь ягод цветом в медь.
Осенний запах пьяный, пряный,
И ветру как не захмелеть!
И он, порывистый и быстрый,
С калин, с рябин сорвет листья!

И, будто огненные искры,
Горстями высыплет в кусты!
Нальется жаром каждый плод...
Завидует такой судьбине
Берез девичий хоровод.
Бесплодной, трепетной и нежной
Свой сарафан березке жаль:
Зимой морозною и снежной
Из-за дождей грозитя даль.
И только старый кедр спокоен —
Ему и зимы не страшны.
Одет в зеленый панцирь хвои,
Суров и тверд в беде, как воин,
Он будет новой ждать весны.

* * *

Гола березовая рощица,
И лишь один под ветра свист,
Как золотой флажок, полощется
На длинной ветке желтый лист.
Он, умирая, не сдается,
И, может, только оттого
И веришь: рощица дождется
Опять расцвета своего...

* * *

Белым пухом легли снега,
Зябнет роща — пустая, голая.
По реке проплывает шуга,
Точно сало — густая, тяжелая.
Воздух свеж необычно и чист,
Дали залиты ясным светом...
...На сирени зеленый лист
Позабыло ушедшее лето...

ОБЛАЧКО

...Все темнее и холодней
Вечер мгlistый, сугробистый, тягостный,
А в зените ясней и видней
Свет пронзительно, сказочно радостный.
И нежнейшего облачка дым
Весь пронизан последним сиянием,
Как желание быть молодым,
Как любви уходящей желание.
Ближе к солнцу взлетело, туда,
В озаренность, в бескрайность синюю.
А само — из мельчайшего льда,
А само — просто сгусток инея.
Вот погаснет последний луч —
И минутным волшебством света

Среди серых, безликих туч
Расплывается облачко это.
И глядит на меня с высоты,
Весь просвечен, клубок тумана...
...До чего же недоступна ты,
До чего ты желанна!..

ЛАСКА

Зол январь...

Но, бывает, в оконце,
Осияв эти вьюжные дали,
Вдруг заглянет хорошее солнце
И растопит сосульки хрусталик,
И такой первозданною негой
Обнадежит тебя, обласкает,
Будто нет ни мороза, ни снега,
Будто их никогда не бывает.
И, богатая далью и светом,
В сердце вновь, златокудра, ясна,
Первым робким и трепетным цветом
Расцветает твоя весна...

Зол январь...

Только сердце так полно, ч

Снова рвешься к весне сквозь снега.

...Бескорыстная ласка солнышка,

Как же ты в эти дни дорога!...

НА РЕКЕ ЛЕБЕДИ

Плыли лебеди по Лебеди¹⁾
В синь дальнюю в строю,
Пили лебеди из Лебеди
Хрустальную струю.
Плыли плесами-озерами...
И в зеркале воды
Дивнобелыми узорами
Струились их следы.
Очарована, над кручами
Задумалась тайга,
Даже кедрами могучими
Шагнув на берега,

¹⁾ Лебедь — приток Бии, одна из красивейших алтайских рек.

Будто, хмурой, ей пока еще
Для яркой новизны
Не хватало лишь сверкающей
Лебяжьей белизны...
Застоялась меж утесами
Густая тишина,
И вдруг дрогнула над плесами
Басовая струна.
Будто медью зова птичьего,
И горы и леса —
Грянул весь мой край, и клич его
Рванулся в небеса.
И, в стремлении единая,
Над тихим плеском вод
Взмыла стая лебединая
За песней в небосвод.
Все летели и не таяли
Те звоны в высоте,
Гимном солнцу ли, Алтая ли
Могучей красоте...
...Всплыло прошлое рекою той,
На волю вдаль маня,
Будто за сердце рукою кто
До боли взял меня!

...Плыли лебеди по Лебеди
В родном моем краю,
Пилю лебеди из Лебеди
Хрустальную струю...

СОСЕНКА

В шубке, белым мехом отороченной,
Будто шаловливая девчонка,
Выбежала прямо на обочину
Из лесу красавица-сосенка.
У дороги на бегу стремительном
Встала, наклонилась с разбегу,
Услыхав, должно быть, подозрительный
Скрип по свежавыпавшему снегу.
А за ней подружки тонконогие
Прячутся смущенно друг за друга,
Видят, что шагаю по дороге я,
Смотрят с любопытством и испугом.
Я готов обнять из них бы хаждую,
Чтоб сосенки догадались сами,

Что они давным-давно посажены
Ласковыми этими руками.
Но одной сосенке глажу кору я,
Вспоминая маленькую тайну
Деревца любимого, которое
Выросло в сторонке неслучайно.
...Двадцать лет назад, еще юннатами,
Лес в руках неся, мы приходили.
Были мы на выдумку богатыми,
На зарок сосенку посадили —
Чтоб совсем не знали увядания
Ни сосенка наша, ни любовь,
Чтоб сюда на сотое свидание
Мы пришли лет через двадцать вновь.
...С милым детством нежное свидание!..
И хоть грусть чуть-чуть туманит взор.
Наших рук бессмертное создание,
Гимн любви поет сосновый бор.
Вот как незаметно годы прожиты
От любви ребячьей до седины..
Знал я, что сюда притти не можешь ты,
И пришел — не выдержал! — один.
И сосенка наша удивляется,
Отчего горячая рука

Не растопит, как ни прикасается.
Белый-белый иней у виска.
А ведь если б в жизни все влюбленные
В честь любви по деревцу садили —
Всюду бы росли леса зеленые,
Рощи ли веселые, сады ли.
В осень, в зиму, в пору ли цветения,
Но под этой вечно юной новью.
Будет веять новым поколениям
Нашими мечтами и любовью...
И чего в мечтах хотелось очень нам —
Как запев о счастье песни звонкой,
В шубке, белым мехом отороченной,
Наша здесь виднее всех сосенка!..

* * *

И вот опять по небу синему
Ясна и сказочно полна,
До невозможности красивая
Плывет июльская луна.
И свет серебряной дорожкой
Блестит на речке голубой...
Не оттого ль взгрустнул немножко я,
Что вновь один, а не с тобой?
Знать, грусть моя до дна не выпита.
Глухая ночь, глухая тишь...
Ах, если б мог я песней выпытать
Что ты в душе своей таишь!
Чтобы до боли растревожена
С ума сводящею луной,

Ты шла ко мне тропой нехоженой,
К счастливой зорьке шла со мной...
Дорожкой лунною, пожалуй что,
На берег твой не перейдешь...
Ой, закатись, луна, пожалу́йста.
И парню душу не тревожь!

ПОЛЫНЬ

Угасает закат за седым туманом,

На полях — парная теплынь,

Кружит голову запахом пряным

Молодая полынь.

После смены нелегкой уснуть бы в палатке

Вечер тих, воздух чист...

Почему же торопится в степь украдкой

Молодой тракторист?

В темном небе над степью, над черною

пашней

Загорелась звезда впереди.

И, как песню, твердит он наказ вчерашний:

— Поскорей приходи!

И опять, как вчера, он взволнованно ходит

И теряет минутам счет,
И все ищет цветов, да никак не находит —
Видно, рано еще.
Все степные цветы подарил бы ей ныне
И звезду, и сиянье зари...
А вот если в руках только кустик полыни,
Что ж любимой дарить?
...Шли вдвоем по степи к истухающей зорьке,
Грея руку в руке,
Отдал он ей тот кустик, пахучий и горький,
Будто первый букет.
...Заскрипел коростель в темноте за кустами,
Помолчал и наладился вновь...
В эту ночь расцвела со степными цветами
Молодая любовь...
И среди новоселов в полотняном поселке
Слух веселый прошел,
Что сегодня в безлистом березовом колке
Парень розу нашел.
...На заре возвращались в палатки обратно.
Заливала степь тишина.
— Ты заметил, как пахнет полынь приятно?...
Прошептала она.

Может, светлое чувство с годами остынет,
Но лишь имя ее назови —
И напомнит тебе горький запах полыни
Сладость первой любви...

ДВЕ ЛЮБВИ

Вдали заснеженные сосны
Как непреклонно зелены!..
А им, наверно, снятся весны,
Они, наверно, ждут весны.
Средь них березонька — раздета,
И ветер свищет меж ветвей...
Сосна ж хранит частицу лета
В бессмертной зелени своей.
Но прогремят весною грозы
Средь нестерпимой синевы,
И вспыхнут белые березы
Зеленым пламенем листвы.
То закипая, то стихая,
Пойдет в ветвях зеленый шум.

И я приду к ним за стихами,
А про сосну — не напишу...
Ведь благодатною весною
Да и позднее, в летний зной,
Березу не сравнишь с сосною,
Что отливает желтизной.
...И я в раздумье хмурю брови
И все ж люблю сосну до слез:
Она скромнее и суровей,
Но постояннее берез...

ЛЫЖНЯ

Поляну встретишь ты не часто
Ровнее этой.

И на взгляд
Казалось, можно мчать по насту
И без помех и без преград:
Плоска, как стол, она сверкнула
Стеклом и сталью в свете дня!..
Но блеск снегов перечеркнула
Сквозная резкая лыжня,
И, видно, надо было, чтобы
Пролег тот след, глубокий и прям,
Открыв горбатые сугробы
И скрытые ловушки ям.
Нет, не промчишься здесь с разбега:

Нет, не промчишься здесь с разбега:
Поймешь, лишь пристальной взгляни,
Предательскую рыхлость снега
И непреклонность той лыжни!

В ТРУДНЫЙ ЧАС

...Вот, оно, выходит, какова ты,
Остановка посреди пути!..
Только мне сдаваться рановато —
Бывшему гвардейскому солдату, --
Даже не дожив до тридцати.
Нелегко быть волевым и стойким,
Трудно мне наедине с собой
Продолжать и на больничной койке
Начатый в сорок четвертом бой.
По рукам и по ногам стреножен,
Жгучей болью связан в узелок,
Снова я в «тяжелую» уложен,
Снова я на эту койку лег.
Валит слабость, голова кружится,

Никуда от боли не уйдешь...
Во весь рост бы жить!
Зачем ложиться,
Для чего с больницами дружиться,
Если мир волнующе хорош,
Если жадным не охватишь взглядом
Этих далей, этой красоты,
Если где-то близко, где-то рядом —
Все твои надежды и мечты.
Если и по пройденной дороге
Я хотел пройти бы лучше вновь,
Если есть одна, одна среди многих
Трудная, но верная любовь,
Если надо снова и умнее,
Глубже и красивей долюбить,
Чтоб любовь, что нас спаяла с нею,
Мелочами жизни не губить...
Я еще так мало сделал в жизни
(А сумею сделать и смогу),
Я еще перед родной Отчиной
Как поэт и гражданин в долгу.
Жить бы так, чтоб только дни кипели,
Чтобы знать уверенно всегда,
Что в большом, во всенародном деле

Есть частичка моего труда.
И пока всех дел не переделал,
Сам себя считаю я в строю,
И бессилью, что сковало тело,
Душу я не уступлю свою!

II

...Нет, жизнь от нас не отстает!
В палаты эти, в коридоры
Она врывается, зовет
В свои гремящие просторы.
Газетной полосой шурша,
Расскажет про большое дело —
И рвется жадная душа
Поднять слабеющее тело,
И все труднее здесь лежать,
И легче в исцеленье верить,
И хочется скорей вбежать
В жизнь сквозь распахнутые двери.
...Нет, видно, не для нас покой!
И пусть сейчас я слаб, недужен,
Не позабыт я и такой —
Труду, друзьям, любимой нужен.
И оттого все легче мне

И тают грустные мыслишки...
Я вырвусь в шум рабочих дней.
Как воин после передышки.

III

Рассиялось солнце по сугробам,
Ярко, по-весеннему блестит.
Сколько нужно напряженья, чтобы
До окна просторного дойти!
Неумело, путаясь ногами,
Я опять (который в жизни раз!)
Слабыми, но верными шагами
Выхожу в огромный мир сейчас.
Доктор из-за двери наблюдает
И не хочет радости скрывать —
Мне она от всей души желает
Да-алеко отсюда ушагать...
Я от счастья будто пьян немножко,
Ничего я не могу сказать,
Устремив в широкое окошко
Широко открытые глаза.
Пусть еще совсем силенок нету —
Пять шагов пройдя, вконец устал —
За окном весенним ясным светом

Вся земля, как счастьем, залита.
И весенкей подчиняясь силе,
Гсворю я от души врачу:
— Доктор, мы ведь с вами победили!
До чего ж я снова жить хочу!
Это вы мне помогли быть стойким,
Помогли опять сломить беду.
...Я иду, еще держась за койки,
Но уже, товарищи, иду!..

СОДЕРЖАНИЕ

Родней родного	3
Смерть комиссара	7
Идущие впереди	16
Семнадцатилетним	28
Девочка в саду	34
Дождь...	37
Горит на небе Марс	40
Насчет дыма	43
Гимн красоте	48
Не могу тебе ответить иначе	51
Весенний путь	53
Сосна над морем	57
«Совсем закрыли тучи солнце»	59
«Гола березовая рощица»	61
«Белым пухом легли снега»	62
Облачко	63

Ласка	65
На реке Лебеди	67
Сосенка	70
«И вот опять по небу синему»	73
Полынь	75
Две любви	78
Лыжня	80
В трудный час	82

